
КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ

Н. С. РОЗОВ

ИЗГНАНИЕ ИЗ «СОЦИАЛЬНОГО РАЯ». ПЕРЕХОД ОТ ПЕРВОБЫТНОСТИ К ВАРВАРСТВУ КАК ЭТАП КОЭВОЛЮЦИИ ТРЕХ ПОРЯДКОВ

В современной антропологии достигнут более или менее широкий консенсус относительно причин и механизмов большого эволюционного сдвига – перехода от малых эгалитарных первобытных общин (бродячих групп или деревень) к крупным иерархизированным сообществам с бигменом, «варварским» вождеством, племенам. Разные школы делают упор на разные аспекты, но практически все признают взаимосвязь факторов характера и доступности ресурсов, стесненности (circumscription), демографического роста и давления, войн за землю, укрупнения групп, социального расслоения, прогресса в мирных и военных технологиях, ускорения заимствований и т. д. В данной работе делается попытка объяснить этот переход на основе комплекса общих теоретических моделей микро-, мезо- и макроуровней, причем на каждом уровне действует свой механизм отбора. Основу этого комплекса на уровне отдельного сообщества составляет концепция коэволюции социального, ментального и функционального порядков (отбор обеспечивающих структур и типовых габитусов). На уровнях микро и ультрамикро объединены модели интерактивных ритуалов, установок, культурных образцов и оперантного обусловливания (отбор стратегий, практик и установок в ритуалах рефрейминга). На макроуровне действуют принципы военного отбора, доминирования и диффузии, ведущие к укрупнению сообществ и распространению наиболее эффективных в сложившихся условиях порядков.

Ключевые слова: антропология, жизнеобеспечение, первобытность, реципрокация, насилие, солидарность, варварство, политическая эволюция.

В современной антропологии, как и во всех социальных науках, имеется множество школ, позиций, взглядов, парадигм, теоретических схем, в том числе конфликтующих и непримиримых. Будем

*Историческая психология и социология истории 1/2019 104–126
DOI: 10.30884/ipsi/2019.01.01*

опираться прежде всего на описание первобытных порядков, сделанное в книге А. Джонсона и Т. Эрла «Эволюция человеческих обществ» (Джонсон, Эрл 2017). Эта работа имеет множество достоинств, главные среди которых:

а) прекрасное знакомство авторов с обширным кругом современных антропологических концепций, их учет, синтез или обоснованные возражения;

б) весьма реалистическое утверждение *разнообразия* порядков на каждой фазе социального развития;

в) детальные описания конкретных порядков;

г) здоровое представление о сложных процессах эволюции, переводящих одно разнообразие порядков в другое.

Также используем весьма информативный обзор и анализ наблюдений, результатов антропологических исследований австралийских аборигенов (Артемова 1987).

В социальном порядке Джонсон и Эрл различают *экономику жизнеобеспечения*, включающую три базовых элемента: население, технологию, окружающую среду, и *политическую экономику*, в которой устанавливаются правила добывающих практик, распределения, обмена (Джонсон, Эрл 2017: 49).

К сожалению, авторы почти ничего не говорят о ментальных порядках первобытности, поэтому здесь мы используем богатую традицию исследования мифологического мышления и ритуалов, обрядовой теории мифа, идущую от Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Дж. Фрезера, а также функциональную концепцию мифа Б. Малиновского. Вполне убедительное обобщение и переосмысление этих взглядов сделано в работах отечественных классиков в изучении мифологии (Токарев 1962; Стеблин-Каменский 1976).

Первобытные заботы и их обеспечение

Заботы первобытного общества в плане жизнеобеспечения практически те же, что у любой группы людей, оказавшейся в дикой природе, только без запасов, без снабжения, без готовых приспособлений (палаток, горелок), но с необходимостью каждый день добывать пропитание, находить или сооружать укрытие от непогоды. Наряду с тем, что приходилось заботиться о жизнеобеспечении как древним, так и любым иным группам, изолированным от больших развитых обществ, следовало поддерживать солидарность и координацию действий, разрешать конфликты, как-то отвечать на вызовы при столкновении с другими группами, особенно претен-

дующими на те же угоды. Важная дополнительная сфера заботы первобытных людей включала хранение и передачу накопленного опыта как во взаимодействии с природным окружением, так и в социальных отношениях.

Зафиксируем отличительные признаки первобытных обществ¹:

- *добывающие промыслы*; используются преимущественно технологии добычи почти готовых продуктов питания (охота, собирательство, рыболовство); зачатки domestikации животных и растений могут иметь место, но не составляют основу жизнеобеспечения; также отсутствуют технологии глубокой переработки (еще нет керамики, ткачества);

- *сезонные миграции*; технологии хранения отсутствуют или слабо развиты, что вынуждает к регулярным сезонным перемещениям в поисках пропитания;

- *семьи и общины (временные стойбища)* как базовые социальные формы; сообщества относительно эгалитарны, отсутствует наследуемая социальная стратификация; неравенство может иметь ситуативный характер (у кого в каких практиках лучшие способности) и связано с принадлежностью к половозрастным группам; малые сообщества (семьи, бродячие группы, стойбища, деревни) могут быть соединены сетями обмена и родства, но не образуют крупных политических единиц с систематическим внутренним принуждением и военной консолидацией на постоянной основе;

- *ритуалы порядка* преимущественно направлены на поддержание солидарности и социальной структуры (переходные ритуалы брака, рождения, инициации, похорон), на магическое задабривание «хозяев» данной местности, тотемов и пр.;

- *объясняющие и утверждающие порядок мифы*, наряду с вовлечением в добывающие практики и ритуалы, являются важнейшими средствами трансляции опыта в поколениях (о начале времен, о культурном герое, о тотеме, с объяснениями всех значимых явлений природы и предметов окружения);

- *ведуны* как (полу)профессиональные знахари, колдуны, шаманы являются специалистами в сфере мифов и ритуалов, но еще нет отдельного сословия жречества, священства.

По всем этим критериям к первобытной стадии следует отнести сообщества, которые А. Джонсон и Т. Эрл называют «семейными

¹ О специфике фаз социального развития (стадий эволюции) и о принципе выделения исторических эпох по доминированию обществ и режимов той или иной фазы см.: Розов 2002: гл. 5.

группами» и в число которых включают подробно изученные антропологами племена шошонов (Северная Америка), кунг (пустыня Калахари, Африка), мачигенга (Перуанская Амазония, Южная Америка) и нганасанов (Северная Сибирь, Азия).

При сходных предметах заботы в первобытных обществах известно широкое разнообразие обеспечивающих структур: промыслов с практиками и стратегиями, способов социального взаимодействия, ритуалов и т. д.

Общее в первобытном образе жизни сообществ данной стадии, несмотря на огромные различия в природных условиях, состоит в ритме сосредоточения семей (в стойбища или деревни) и их рассредоточения, прямо зависящих от возможностей и имеющихся способов добывания пищи. «До тех пор, пока не существует экономической основы для длительного сотрудничества, две или более семьи, живущие вместе, будут просто мешать друг другу, истощая ресурсы, доступные в одном месте, и соревнуясь друг с другом за более подходящую и желательную пищу и сырье. В этом случае естественным будет их стремление рассредоточиться, чтобы свести к минимуму нежелательные взаимные пересечения. Простое правило состоит в том, что формы приобретения пищи, основанные на конкуренции, способствуют рассредоточению, а кооперирующие – воссоединению» (Джонсон, Эрл 2017: 80).

Равенство и солидарность – «социальный рай»

В отличие от всех последующих эволюционных стадий первобытные общества характеризуются эгалитарностью – высоким уровнем социального равенства. Разумеется, мужчины, как правило, занимавшиеся охотой и имевшие монополию на владение оружием, были способны к принуждению женщин и подростков к труду, но, помимо такого рода половозрастных различий, устойчивых сословных или классовых иерархий не было (Артемова 1987). «В целом добытчиков характеризуют минимальная социальная дифференциация и сильно выраженный этос равенства со стремлением все поделить. Их цель – жизнеобеспечение всех и каждого, а не разнящиеся экономические выгоды отдельных людей или групп» (Джонсон, Эрл 2017: 132). На вопрос антрополога о предводителях (главарях) старейшина рода племени кунг отвечал: «Конечно, у нас есть главари! ... На самом деле, мы все – главари! ... Каждый из нас – главарь самому себе!» (Там же: 120).

Основания этой свободы и эгалитарности лежат в господствовавшем в социальных взаимодействиях принципе взаимности, что Джонсон и Эрл называют реципрокацией (Джонсон, Эрл 2017: 78). По сути дела, реципрокация – это сквозная черта социальных порядков первобытных обществ, а соответствующие ей принципы взаимности, симметрии, соразмерности, вероятно, пронизывали внутренние социальные установки первобытного менталитета. Во множестве мифов хаос и бедствия начинаются из-за неблагодарности, недостаточного почтения, пренебрежения долгом воздаяния и т. п. Порядок же возвращается при восстановлении нарушенной «моральной симметрии» (Стеблин-Каменский 1976; Фрезер 1983).

А. Джонсон и Т. Эрл выделяют несколько типов таких взаимодействий. Каждодневное общение, взаимопомощь, забота друг о друге, дележ добычи в семье, разделение труда по половозрастным группам составляют *генерализованную реципрокацию*. Взаимодействия основаны на устойчивых личных отношениях, высоком уровне солидарности, здесь не ведется подсчет затрат и возмещений. Среди норм взаимопомощи между родственниками главной обычно была обязанность делиться пищей (Артемова 1987).

Каждая семья также зависит от сообщества, которое помогает выжить в периоды голода благодаря взаимопомощи. Встречи при перемещении с родственниками и друзьями, спорадическое сотрудничество в добывании пищи, регулярные общие празднества проводятся согласно правилам *сбалансированной реципрокации*. Здесь подразумевается хотя бы примерное соответствие дара и отдаривания, затрат и отдачи, что можно обозначить также как принципы симметрии, распределительной справедливости, равноценного обмена.

Основная часть жизни проходила среди «своих», где правила взаимности соответствовали солидарности и эгалитарности (Артемова 1987). Самое страшное для индивида и даже для семьи – быть изгнанными, лишиться поддержки. Поэтому столь эффективен социальный контроль, направленный на поддержание дружелюбия, обязательного дележа добычи, мирного разрешения конфликтов (как правило, на основе возмещения ущерба дарением).

Как же проявлялись иные социальные универсалии (по М. Веберу и М. Манну): власть, собственность, насилие и престиж? Разумеется, всегда появлялись индивиды с желаниями и способностями к лидерству и власти. Однако для проявления таких качеств требуются внешние социальные условия. Если власть мужчины над

детьми, подростками, женой или женами могла осуществляться, то только в той мере, в какой это позволяло и одобряло сообщество других взрослых мужчин. Ведь они также вооружены и вместе всегда составляют более могучую силу. Власть над ними может быть только ситуативной – для тех, кто показал себя как лучший знаток и организатор совместных промыслов: охоты и рыбной ловли, причем только на время таких коллективных действий («спонтанные лидеры» [Артемова 1987: 123]).

При отсутствии постоянных обустроенных жилищ и технологий хранения, до появления стад домашних животных, до огородов и садов, личная и семейная собственность ограничивалась орудиями труда и одеждой. Угодья для охоты и собирательства могут условно считаться собственностью всей группы, если эту привилегию признавали соседние группы.

Обобщая данные многих антропологов, наблюдавших жизнь первобытных обществ в 1960–1980-х гг., С. Сандерсон так характеризует их социальный порядок: «Притом что люди могли индивидуально обладать какими-то вещами и притом что некоторые значимые ресурсы (такие как колодцы) могли принадлежать семьям, ни один индивид не имел прав и способности лишать других индивидов доступа к важным для жизни ресурсам. Не было частной собственности, а значит, не было социальных классов и системы стратификации, тогда как мощные социальные нормы с опорой на социальное и экономическое равенство пронизывали общественную жизнь. Эти нормы подкрепляются сильными санкциями за отказ жить согласно идеям дележа благ и великодушия. Это экономическое и социальное равенство сопровождалось фундаментальной демократией в политической жизни. Никаких элитарных групп, способных заставлять выполнять свои приказы, не существует, а лидеры (*persons of leadership*) способны лишь советовать и убеждать, но не править посредством принуждения» (Sanderson 1995: 21).

Разумеется, жизнь первобытных сообществ, постоянно озабоченных добыванием пищи, защитой от хищников и непогоды, была несладкой. Исключение составляют только периоды попадания в местности большого ресурсного изобилия. Как и представители других видов, люди спорадически голодали. Не все сообщества выживали.

При всем этом, если сосредоточить внимание только на социальных отношениях, то в сравнении с последующими долгими сто-

летиями неравенства, кастовости, эксплуатации, рабства, все более жестоких и кровопролитных войн, геноцидов, первобытные порядки с их равенством, солидарностью и взаимопомощью вполне правомерно квалифицировать как «социальный рай».

Если бы не проблема с агрессивностью и насилием.

Дискуссия об уровне насилия в первобытных обществах

Продолжается старый спор, хоть и на новом уровне, между руссоистским представлением о «добром дикаре» и гоббсовским тезисом о «войне всех против всех» в начале времен. Исследователи, связывающие жизнеспособность социальных групп с совершенствованием культурных регуляторов агрессии и общим снижением смертоносного насилия в истории, обычно ссылаются на данные о жестокости, частоте набегов, войн и бытовых убийств в первобытных обществах (Назаретян 2008; Pinker 2011). Действительно, многие антропологи на основе как археологических данных о доле останков людей, погибших в результате насилия, так и этнографических наблюдений за племенами сходного уровня развития защищают гоббсовское представление о высокой агрессивности и постоянных войнах в первобытную эпоху (Berndt 1962; Keeley 1996; Diamond 2012). Но есть и диаметрально противоположная точка зрения о том, что охотники-собиратели крайне редко вовлекаются в насилие, стараются его избегать (Fry 2013; Ferguson 2013; Sponsel 2015). Кто прав?

Этот вопрос детально рассмотрел С. Малешевич в своей последней книге (Malešević 2017), изучив данные и аргументацию основных работ. Его доводы представляются вполне убедительными. Оказывается, практически все сообщества, которые характеризовались высоким уровнем насилия, были достаточно крупными (100 человек и более) и к тому же оседлыми. Судя по всему, они жили уже в обстановке сравнительно высокой плотности населения, то есть в окружении других подобных сообществ, что означало постоянную конкуренцию за пользование природными ресурсами, которые при растущей плотности населения становились все более дефицитными.

Напротив, отчеты о миролюбивых сообществах касаются бродячих групп охотников-собирателей либо «мерцающих» групп, то распадающихся на семьи, то собирающихся во временные стойбища (см. выше). Понятно, что такого рода группы должны иметь уголья гораздо более обширные, чем многолюдные оседлые сооб-

щества, в той или иной мере использующие либо земледелие, животноводство, либо рыболовство. Обширность угодий прямо соответствует малой плотности населения, иными словами, бродячие и «мерцающие» группы гораздо реже сталкивались с чужаками.

Следующий тезис С. Малешевича состоит в том, что оседлые сообщества не всегда были такими, они представляют собой *более позднюю стадию эволюции*, когда плотность населения увеличилась, угодья для охоты и собирательства существенно сократились, а более интенсивные способы хозяйства позволяли вести оседлый образ жизни. Таким образом, если отступить на шаг назад, то начальной стадией человеческих сообществ были именно бродячие охотники-собиратели. А они характеризуются как раз высокой внутренней солидарностью и эгалитарностью, скорее, избеганием насилия, стремлением мирно улаживать конфликты, а не агрессивностью.

Продолжая этот ход мысли, постараемся в общих чертах реконструировать условия и соответствующие им порядки в таких сообществах. Если и случались стычки между ними, то они приводили либо к уходу слабейших, либо к разграничению угодий. Запасов бродячие группы не делают, грабить у них нечего. Способность защищать свою группу, разумеется, поощрялась и воспроизводилась, тем более что взрослые мужчины были охотниками и владели оружием, однако регулярной воинственной практики набегов, грабежей, завоеваний не было просто потому, что не было рядом множества соседей, которые представляли бы постоянный соблазн для нападения или постоянную угрозу.

Есть также случаи, не укладывающиеся в схему Малешевича: множество полуседлых сообществ, сезонно передвигающихся между двумя или более стоянками, причем некоторые сообщества более агрессивны, другие – менее. Также известно достаточно много крупных оседлых обществ, которые взаимодействуют с соседями мирно, избегают насилия, а если оно случается, то договариваются, как правило, по принципу материальной компенсации ущерба (Джонсон, Эрл 2017: 281–336).

Объяснение этого разнообразия и изменчивости состоит в следующем. Уровень насилия повышается, если сообщества вынуждены конкурировать за один и тот же дефицитный ресурс. Напротив, если они специализируются на разных ресурсах (хрестоматийный случай: рыбаки у моря и пастухи на ближайших холмах), то вместо агрессии следует ожидать сотрудничества, реципрока-

ции: отношений «дар – отдаривание», брачных союзов, совместных пиров, обмена и торговли.

При первичных встречах всегда большую роль играет прошлая история каждого сообщества: его столкновения и взаимодействия с чужаками. Здесь действует «эффект колеи», то есть повторения прошлого пути развития (*path-dependancy effect*): привыкшие воевать с чужаками будут более склонны к агрессии, а привыкшие мирно договариваться будут пытаться налаживать отношения и искать компромиссы. Каждое первичное столкновение представляет собой взаимный вызов и бифуркацию: стороны будут далее предпочитать ту или иную стратегию взаимодействия в зависимости от множества факторов. При этом можно смело предположить следующий общий принцип: продолжаться и расширяться будет успешная (положительно подкрепленная) стратегия, тогда как провальная (отрицательно подкрепленная) будет либо отвергнута во все, либо станет латентной. Поэтому сильное воинственное сообщество, победив слабого противника, будет и дальше склонно воевать. Если же оно столкнется с равным по силе или превосходящим противником, то будет искать иные стратегии: от бегства до попыток мирно договариваться. Согласно тому же принципу успех мирного сотрудничества способствует ограничению насилия вплоть до его общего запрета во взаимодействиях. Если же сообщества в какой-то мере экономически взаимодополнительны, то этот паттерн станет доминирующим, войдет в состав социального и ментального порядков, будет воспроизводиться в поколениях.

Внутри сообществ, судя по всему, эффективно действовали ритуалы солидарности, слившиеся с дележом добычи, взаимопомощью, а также имел место социальный контроль над насилием (Артемюв 1987), средства которого варьировали от насмешек над проявлением агрессии, эмоционального выражения ее неприятия вплоть до жестоких групповых наказаний нарушителей, как это однажды случилось в племени койсанцев: «Когда Тви убил трех человек, члены сообщества, в редком порыве единодушия, напали на него среди бела дня из засады и смертельно его ранили. Он лежал, умирая, а все мужчины стреляли в него отравленными стрелами до тех пор, пока, по словам информанта, “он не стал похож на дикобраза”. А после того, как он умер, все мужчины и женщины приблизились к его телу и вонзили в него копья, символически разделяя ответственность за его смерть» (цит. по: Джонсон, Эрл 2017: 113).

Принцип взаимности также действовал в отношениях с чужаками, конкурентами, врагами. За ущерб, обиду следовало ответить симметрично либо потребовать соразмерное возмещение. В таких ситуациях действовала *негативная реципрокация*. В силу большой рассредоточенности первобытных обществ такие нежелательные столкновения были редкими. Межгрупповые стычки всегда имели место, но не перерастали в кровопролитные войны. Обычно была возможность ухода, переселения, которой и пользовались малочисленные, более слабые и менее агрессивные группы². «Несмотря на общепринятое мнение о том, что люди с незапамятных времен вовлечены в военные действия, многочисленные археологические и антропологические исследования показали, что организованное насилие возникло только за последние двенадцать тысяч лет, а крупномасштабные войны – только за последние три тысячи лет существования человечества» (Malešević 2017: 30).

Указанный временной порог как раз соответствует времени завершения неолитической революции и перехода социальных порядков в наиболее благоприятных для жизни и заселенных областях к стадии варварства.

Новая стадия эволюции – варварство

Стадию вождеств (чифдомов, племен), которую в соответствии с классической традицией (Л. Морган) называем здесь «варварством», необходимо отличать как от первобытности, так и от следующей стадии – ранней государственности, с которой начинается цивилизованность. Для варварских порядков характерны следующие черты:

- преимущественно *производящие технологии*, основанные на доместикации животных и растений (сельское хозяйство) и технологиях глубокой переработки (ремесла, в том числе ткачество, керамика, металлургия);
- развиты *технологии хранения* (от погребов до керамических сосудов), что давало крупным сообществам возможность для оседлой жизни; для кочевников стада домашних животных играли ту же роль технологий хранения;

² Вероятно, этот геополитический фактор следует считать основным при объяснении того, что сколь-нибудь пригодные для жизни территории планеты, включая даже отдаленные материки и острова, заселены. Ни страстью к перемене мест, ни любопытством не объяснить уход со знакомых территорий, где людям понятно, как и чем кормиться, в новые незнакомые, полные опасностей земли.

- наличие *наследуемой социальной стратификации* (предтечи сословий и классов), выходящей за пределы половозрастных различий; обычно это вожди, окружающая их военно-политическая элита, свободные общинники и зависимые, поработанные (как правило, завоеванные или захваченные); однако еще не сложилось формальной структуры должностных позиций, автономной от отношений родства и остающейся при смене поколений (что характерно для государственности);

- в крупных сообществах (простых и сложных чифдомах, племенах) численностью от сотен до десятков тысяч человек было допустимо и использовалось *внутреннее принуждение, основанное на силе, власти, авторитете*; однако еще не было формальных законов, тем более письменных (что станет характерно для государственности);

- формировались *дружины* профессиональных или полупрофессиональных воинов под руководством вождя и военной элиты, но военные позиции, функции еще не были автономны от отношений родства;

- ритуалы преимущественно были направлены на *легитимацию вождей, элиты, социальной иерархии*; наиболее популярно было прославление военных побед; складывались и широко распространялись мифы и эпосы о героях и богах (обычно объявляемых предками вождей), побеждающих чудовищ и/или чуждые народы;

- могло выделяться *сословие жречества* с монополией владения сельскохозяйственными, врачебными и магическими знаниями; но еще не было церковных организаций и однотипных специализированных храмов.

В политическом аспекте промежуточной формой между первобытностью и варварством следует считать сообщества с бигменами – авторитетными лидерами, которые представляют группу в отношениях с другими группами, ведут торговлю, организуют совместные церемонии, заключают союзы, контролируют вклады для длительного хранения, играющие страховую роль, управляют их распределением при необходимости. В отличие от настоящих вождей, характерных для чифдомов, бигмены не применяют насилие и угрозу насилия, лишены способных на это вооруженных приспешников, пользуются только своим авторитетом, не накапливают особенно большого богатства, передаваемого по наследству, и не образуют династий.

Эволюция человечества сходна с эволюцией видов действием главных механизмов: появлением нового разнообразия элементов и признаков, их перекомбинации и отбора. Эти механизмы на уровне генов (мутации и перекомбинации генов, естественный отбор) составляют основу происхождения видов, они также имеют место в рамках человеческого рода как биологического вида, но здесь не рассматриваются.

В социальной эволюции наиболее значимы механизмы отбора культурных черт, то есть всего, что передается из поколения в поколение экстрасоматически – через воспроизводство социальных, ментальных и функциональных порядков, через инкультурацию и социализацию как включение новых индивидов в эти порядки. Согласно концепции культурного многоуровневого отбора (*cultural multilevel selection, CMLS*), отбор производится на нескольких уровнях в шкале *микро/макро* (Turchin 2016). Представим процессы перехода от первобытности к варварству как три типа отбора на трех обобщенных уровнях этой шкалы.

Отбор ответных стратегий в каскадах интерактивных ритуалов

Обобщенный уровень *микро* включает *ультрамикро* (столкновения индивидов в ситуациях «здесь и сейчас»), собственно *микро* (сознание и поведение индивидов) и нижнее *мезо* (происходящее в малых группах). Здесь речь идет о цепочках или каскадах интерактивных ритуалов, в которых бурно обсуждаются успехи и неудачи разных подходов к преодолению трудностей и бедствий, способов восстановления благополучия и достижения успеха. В этих ритуалах происходит трансформация установок участников, отвергаются прежние стратегии и практики, а также иные попытки действий как провальные, принимаются новые способы действия, показавшие себя успешными. Фактически происходит отбор ответов на вызовы на основе принципа положительных и отрицательных подкреплений.

Согласно теории интерактивных ритуалов (Э. Дюркгейм [1998], У. Уэллер, И. Гофман [2009], Р. Коллинз), обогащенной теорией оперантного обусловливания (Б. Скиннер [1986]), установки сознания и поведения, а также тесно связанные с ними культурные образцы и социальные отношения формируются, разрушаются, трансформируются в эмоционально насыщенных групповых действиях, в которых соответствующие установки получают положи-

тельное или отрицательное подкрепление. Проще говоря, установки, образцы и отношения меняются или укрепляются в качестве следствий особых внушительных практик (Collins 2004; Розов 2011: гл. 3).

Если первобытный человек, «дикарь», редко взаимодействует с чужаками, избегает враждебных столкновений, ищет другие места, когда его вытесняют сильнейшие, то «варвары» вынуждены и готовы воевать, поскольку свободных мест для миграции уже нет (принцип *социальной стесненности*, по Р. Карнейро [Carneiro 1970]). Они либо выигрывают, и тогда наращивают силу, численность, ресурсы, либо проигрывают, становясь младшими партнерами или подчиненным трудовым сословием для победителей.

Успешный опыт насилия, принуждения при завоеваниях «чужих» всегда приводит к соблазну применения таких же практик в отношении «своих». Стремления поддержать, увеличить свой статус и достоинство среди соплеменников становятся универсальными. Как сказано выше, в эгалитарных первобытных обществах эти стремления ограничивались порядками, установками генерализованной и сбалансированной реципрокации, соответствующими твердыми нормами поддержания солидарности, взаимной щедрости и содействия, поэтому получали форму мирной конкуренции.

В новой ситуации постоянных военных угроз, вынужденной мобилизации и иерархической военной организации стремление к превосходству и власти никуда не делось, но ограничения эгалитарных норм ослабели, поскольку победа в войне, успешная оборона или успешное завоевание становятся настолько значимы, что престиж и власть вождей-военачальников закономерно укрепляются. Военной и политической элите уже ничто не мешает использовать свою власть, авторитет и силу для присвоения большего богатства, особенно под видом сбора и хранения общественных ресурсов. Элита также всегда стремится передавать власть, могущество и богатство по наследству, военно-политическое, а соответственно, также экономическое и символическое доминирование открывает для этого благоприятные возможности.

Происходящее в ментальном порядке можно реконструировать на основе известного перехода от ритуалов солидарности к ритуалам поклонения и от мифов о тотемах, о происхождении вещей и практик к героическому эпосу. Почему вообще что-либо меняется в ментальном порядке? Сами войны являются «натуральными» ритуалами с исключительно сильным эмоциональным напряжением,

когда чувство сплоченности между бойцами, доверия к успешным предводителям и ненависти к врагам формирует соответствующие установки. Подготовка к будущим боям и обсуждение, переживание прошлых боев, в том числе закрепляемое в рассказах, былинах, песнях, легендах, играют роль вторичных ритуалов, закрепляющих эти установки (ср.: Мелетинский 2004).

Переход ведущей роли в культурном дискурсе (транслируемом в поколениях) от мифов к героическому эпосу, равно как и переход от эгалитарных ритуалов солидарности к иерархическим ритуалам чествования вождей и их великих мифологизированных предков (героев и богов), реконструируется на следующей теоретической основе. Культурный дискурс и главные ритуалы всегда служат для укрепления наиболее важных для сообщества социальных и символических установок участников, поэтому центрами внимания, поклонения, прославления в дискурсе и ритуалах становятся символы основных обеспечивающих структур и социальных институтов. В первобытных обществах такими символами были тотемы, культурные герои, мифические хозяева мест (ущелья, реки, озера, леса), а в самих мифах и ритуалах утверждался порядок относительно эгалитарного общества, требующий правильного (умелого, солидарного, щедрого к соплеменникам) поведения каждого члена общества. В варварских обществах символами ритуалов и эпоса стали герои и боги, легитимирующие вечную и безусловную власть вождя и военно-политической элиты. «Господствующая военно-работладельческая аристократия древних государств создавала свой круг излюбленных мифов и мифологических персонажей, – это боги войны, боги-витязи, боги – покровители поэзии, пиров, веселья. Певцы, выступавшие при дворах аристократии, разрабатывали мифологические сказания и поэмы об этих богах, о героях-витазях, изображавшихся как предки аристократических родов» (Токарев 1962: 548).

Наряду с переходом от мифа к эпосу существенно меняется характер церемониальных практик: «В действительности шаманизм, магия и культ предков играют свою роль уже внутри семьи и соседства, а на уровне локальной группы моления у деревенских святилищ или церемонии почитания святых покровителей продолжают укреплять отношения. Но именно в церемониях, характерных для региональной политики, она материализуется с помощью демонстрации военной мощи, красивых религиозных празднеств, драматических представлений, публичных наказаний и жертвопри-

ношений. Цель их заключается в том, чтобы производить на зрителей впечатление безграничной властью, демонстрирующей тщетность любой попытки восстания или бегства. И если священное на уровне локальной группы в основном сопряжено с демонстрацией и укреплением уз, связующих семьи в группы, то на уровне региональной политики оно служит тому, чтобы общинники одобряли и поддерживали политику и привилегии элиты» (Джонсон, Эрл 2017: 343).

Рассмотрим механизм этой важнейшей трансформации ментального порядка. Поскольку поведенческие установки тесно связаны с установками остальных типов – фреймами и картинками мира, символами (святынями и ценностями), идентичностями, – последние также меняются, то есть претерпевают отбор. Подчинение вождю как военному предводителю, готовность сражаться под его началом, желание и способность подчиняться, эксплуатировать жителей завоеванной земли, принуждать их к труду – все эти и подобные им поведенческие характеристики становятся устойчивыми, когда укоренены в картинах мира, принятых святынях и идентичностях. Все эти установки формируются и укрепляются в каскадах особых ритуалов: пиров, прославления и награждения героев, выслушивания рассказов, былин, саг (эпоса), в которых воспеваются архетипические подвиги реальных и/или легендарных предков.

Какие-то былины и саги отвергаются, больше не исполняются, забываются, а какие-то получают бурное одобрение, они становятся популярными, разрастаются вариантами и деталями. Нет сомнений, что «выживший» эпос сохранился именно потому, что соответствовал установкам участников соответствующих ритуалов, особенно наиболее влиятельным из них. По самым любимым и популярным произведениям всегда можно реконструировать картины мира, святыни и идентичности их почитателей. Вместе с передаваемыми в поколениях культурными образцами эти установки составляют ментальный порядок, характеристики которого также подлежат отбору.

Итак, культурные образцы отбираются на основе сложившихся установок и габитусов, особенно принадлежащих влиятельным лицам и группам – устроителям тех ритуалов, в которых эти образцы актуализируются (бигменами, вождями и их приспешниками при переходе к варварству). Отбираются и широко распространяются те установки, которые, с одной стороны, соответствуют актуализи-

руемым в ритуалах культурным образцам, с другой стороны, позволяют успешно участвовать в институциональных и организационных взаимодействиях.

Отбор институтов, типов организаций и практик

Обобщенный уровень *мезо* включает большие социальные группы, множество поселений, типы сообществ (деревень, сообществ с бигменами, чифдомов, племен) со сходными порядками. На этом уровне происходит отбор основных элементов трех порядков: обеспечивающих структур и предметов заботы в функциональном порядке, типов организаций, институтов и практик в социальном порядке, психических установок, габитусов и транслируемых в поколениях культурных образцов в ментальном порядке. Согласно принципу микротрансляции (Collins 2015), реализуется этот отбор также в цепочках и каскадах интерактивных ритуалов (см. выше), только здесь он рассматривается не на «атомарном», а на «молекулярном» уровне.

Исследователи указывают на следующие условия, любое из которых способно стать основой для контроля вождя над политическими и экономическими организациями в чифдоме:

«1. Централизованные хранилища, вначале используемые как способ управления рисками, а затем для контроля над капиталом и финансирования политических отношений.

2. Крупномасштабные технологии, к которым стремится локальная популяция, чтобы минимизировать издержки производства, требуют основных капиталовложений, что возможно, только если производители, занимающиеся жизнеобеспечением, находятся в единой связке со своим вождем.

3. Постоянные войны в стесненном в природном отношении регионе невозможно вести в отсутствие лидерства. При этом войны позволяют вождю-победителю установить контроль над покоренным населением.

4. Внешняя торговля, необходимая локальной популяции или привлекающая ее по причине сильного спроса, но недоступная для отдельных индивидов из-за высоких издержек на транспортную технологию и трудностей заключения соглашений между сообществами» (Джонсон, Эрл 2017: 414).

Ни в социальном, ни в ментальном порядке первобытных обществ никак не удастся найти стимулы и причины существенных сдвигов. Установки на солидарность и взаимопомощь вполне соот-

ветствуют сквозному принципу реципрокации во взаимодействиях и отношениях. Главный сдвиг произошел в функциональном порядке. Вызовы и напряжения, связанные с истощением ресурсов, конкуренцией за ресурсы (угодя, кормовую территорию) с чужаками, приводили к вытеснению слабейших, которые на новых местах либо воспроизводили прежние порядки и практики, либо медленно приспосабливались к новой экологии. Невозможность мигрировать (ситуация стесненности, по Р. Карнейро) и продолжающийся демографический рост, ведущий к дефициту земли и обострению борьбы за землю, – вот ключевые факторы, вытолкнувшие общества из стадии первобытности.

Межгрупповые схватки, организация и мобилизация военной силы, последующие войны за землю (а не прежние спорадические разбойные нападения) – это новые *обеспечивающие структуры* для нового *предмета заботы*: защиты своей территории от соседних групп и расширения ее за их счет. Данный предмет заботы появился в результате напряжения, суть которого очевидна: стало не хватать земли для прокорма. Но сам этот рост населения означает, что людям удалось истребить или контролировать численность опасных хищников, найти способы пропитания, защиты от зноя или холода, позволяющие не только выживать (что уже непросто и не всем группам удавалось), но и выращивать более многочисленное потомство. Таким образом, *рост населения – это издержки успеха социальных порядков* (включающих практики, взаимодействия) и *ментальных порядков* (с познавательными, социальными, ценностными и поведенческими установками).

Дальнейший путь «изгнания из социального рая» объясняется возникновением мощных контуров положительных обратных связей. Переход к варварству включает ряд усиливающих друг друга трендов, главные из которых учтены в теории политической эволюции Р. Карнейро (Carneiro 1970):

- рост населения в условиях затрудненности миграций из-за физической (естественные преграды) или социальной стесненности (окружающие земли заняты, и на них не пускают) приводил к демографическому давлению – постоянным напряжениям в связи с неадекватностью ресурсов;

- нехватка угодий для охоты и собирательства обусловила ставку на земледелие и животноводство; а поскольку огороды, сады, поля, стада необходимо охранять от грабежей, делать большие запасы на голодный сезон, от кочевого образа жизни все больше ста-

ли переходить к оседлому; практики сезонного перемещения оставались только у кочевников и пастухов в предгорьях;

- благодаря выращиванию зерновых женщины стали кормить грудных детей кашами, быстрее отнимали детей от груди, быстрее восстанавливали фертильность, больше рожали и больше детей выживало; соответствующий ускорившийся рост населения еще больше усилил демографическое давление;

- стали более частыми и интенсивными конфликты и войны за землю, особенно за богатые ресурсами участки (колодцы и оазисы в пустынях, места охоты и рыбной ловли, плодородные почвы, богатые луга и пр.);

- войны отнюдь не уменьшали население, как думали раньше, поскольку при почти повсеместной полигамии для демографического роста было значимо не число мужчин, а число способных к деторождению женщин;

- успешные завоеватели были способны к принуждению благодаря насилию и угрозе насилия; внутренняя иерархия становилась наследуемой и подкреплялась уже не только авторитетом, но и силой; вожди и их ближний круг (военно-политическая элита, дружина) концентрировали и передавали по наследству главные ресурсы: политические, силовые, экономические и символические;

- военные вожди и элиты всегда заинтересованы в расширении ресурсной базы для своего сообщества, для войска, поэтому принуждали подчиненное население к интенсификации: ускоренному переходу к производящему хозяйству, распашке неудобий, сооружению террас и пр.;

- сообщества укрупнялись через завоевания и создание оборонительных союзов (эволюция по линии «деревня – сообщество с бигменом – чифдом – сложный чифдом»);

- рост и концентрация богатств увеличивали соблазны грабежей и завоеваний, что обостряло конфликты, увеличивало дефицит и вело к усилению всех вышеуказанных трендов;

- при наличии постоянных военных угроз и конфликтов организация военной силы становится иерархической, требующей обучения, предполагающей систематическое производство оружия и подготовку фортификаций (от частоколов, острогов до рвов, валов и каменных стен).

Круг замыкается, превращаясь в пресловутую «спираль развития», а точнее, *мегатенденцию «лифт»* как совокупность контуров положительной связи между трендами роста (Розов 2011: гл. 2).

Выбранные стратегии и практики, подкрепленные и устойчивые, становятся структурами позиций, правил взаимодействия, ожиданий, то есть складываются в институты как важнейшие части нового социального порядка. Так, эгалитарные институты первобытных общин, где «каждый сам себе – главарь», становятся иерархическими институтами военизированных варварских вожеств (чифдомов).

На основе этих институтов складываются организации, прежде всего военные, а также связанные с добычей и перераспределением материальных благ. Институциональные и организационные практики довершают структуру социального порядка. Широчайшее разнообразие таких порядков, представленное в антропологических описаниях, свидетельствует о множественных траекториях эволюции, причем итоговые порядки всегда более или менее соответствуют экологическому и социальному окружению, несут в себе следы предшествующей истории сообщества.

Сама же эта траектория, факты и причины основных поворотов остаются неизвестными в условиях отсутствия письменной культуры. Поэтому ограничимся следующей общей гипотезой. Отбор элементов социального порядка совершается под давлением с обеих сторон: объективной эффективности (повторяющиеся провалы или успехи) и субъективной готовности принять институциональные и организационные правила поведения. Эта готовность всегда зависит от ранее усвоенных установок, сложившихся габитусов. Они же играют главную роль в интерпретации происходящего, в том числе в трактовке причин провалов и успехов.

Бывает ли так, что имеющиеся установки препятствуют установлению объективно лучших институтов, организаций, практик и способствуют сохранению объективно провальных элементов социального порядка? Конечно. Более того, сами предметы объективно необходимой заботы могут быть заменены ложными предметами заботы, которые осознаются в форме таких святынь и ценностей, забота о которых никак не устраняет реальные риски, ущерб или бедствия.

Типовым примером могут служить трактовка святошами военных поражений как следствий упадка веры и недостаточно строгого соблюдения девственности невестами. Тогда люди вместо развития военной организации больше жертвуют на церкви, усердно молятся и усиливают контроль над дочерьми. Такие ошибки обычно не прощаются. Неизбежные последующие провалы даже

если не убеждают упрямец, то ударяют по их авторитету, приводят к замене лидерства, либо весь сложившийся порядок терпит крушение.

Отбор порядков и фигураций

Обобщенный уровень *макро* включает типы сообществ (например, деревень, бигменов, чифдомов), типы их порядков и фигураций, взаимодействия между сообществами. Под фигурацией (термин Н. Элиаса [2001]) здесь понимается устойчивый комплекс социального, ментального и функционального порядка. На этом уровне эволюцию движет отбор фигураций через успех/поражение сообществ в войне, а также диффузия порядков и их элементов при военном союзничестве, при экономическом и культурном обмене.

Первый путь отбора наиболее жестокий, но и вполне эффективный, если согласиться с концепцией П. Турчина, объясняющего появление всех крупных обществ именно тем, что они выживали и расширялись в войнах (Turchin 2016). Замечу только, что полное военное поражение, крах фигурации и разрушение всех ее порядков лишь в редких случаях сопряжены с истреблением населения (геноцидом). Победитель обычно навязывает свои порядки, оставляя побежденным подчиненные позиции в институтах и организациях, но у них остаются свои установки, габитусы, образцы и стереотипы социальных взаимодействий. Поэтому при отсутствии государственных технологий тотального контроля (что появилось лишь в XX в.) в завоеванных провинциях всегда складывались какие-то гибридные режимы. Таким образом, отбор порядков через войну здесь включает также элементы диффузии.

Путь эволюционного продвижения через диффузию имеет место в мирных взаимодействиях, когда одно сообщество заимствует институты, типы организаций и практик у других сообществ. Это происходит, когда для новых предметов заботы не хватает своих обеспечивающих структур. Если вокруг сообщества есть несколько сообществ с разными фигурациями, порядками, институтами, то возникает ситуация выбора, а значит, совместно с диффузией здесь также происходит отбор, но уже не по принципу «смерть неудачнику», а по принципу «какой порядок обещает больше благ» (в могуществе, престиже, богатстве).

В этом плане получают объяснение и оправдание сколь угодно большие траты потенциальных патронов на импрессивное воздействие на потенциальных клиентов. Разорительные пиры (потлачи),

пышные дорогие празднества, курганы, пирамиды, храмы, статуи, дворцы – все это явления одного ряда, направленные на повышение привлекательности своих порядков. Подражающие этим порядкам обычно становятся в культурном и экономическом, а также в военно-политическом плане зависимыми от их носителя.

Издержки успеха и ловушка политической эволюции

Уход от первобытного состояния означал для человечества не только вступление на путь ускоряющегося технологического, социального, культурного, интеллектуального прогресса, но и попадание в воронку углубляющегося неравенства, все более жестоких и масштабных практик принуждения и организованного насилия. Если предельно обобщить приведенные факторы и процессы, то «изгнанию из (социального) рая» способствовали прежде всего сам успех планетарной экспансии человеческого рода, демографический рост и войны за землю.

Но успех и победа в войне всегда достигались благодаря эффективному насилию, применению власти и иерархической военной организации. Соответствующие социальные порядки облекались и оправдывались в разнообразных культурных кодах, как правило, с большой долей символического, религиозного, мистического компонента: славные победы и величие повсеместно трактовались как результаты поддержки со стороны предков или духов, плоды милости богов в отношении к благородству, благочестию и прочим достоинствам правителей. С такими архетипами связан принцип нового социального порядка, пришедший на смену первобытной реципрокации: *подавлять врагов, управлять и принуждать подвластных благодаря преимуществу в военной силе и на основе высшего (надмирного) оправдания.*

Переход от первобытности к варварству – первая великая трансформация в истории человеческого рода как социальной эволюции. Представленное теоретическое объяснение этого перехода через комплекс разноуровневых, но взаимосвязанных моделей, с одной стороны, открывает перспективы проверки и уточнения гипотез на богатом эмпирическом материале антропологии. С другой стороны, оно укрепляет единство макросоциологического подхода к истории, поскольку в последующие эпохи ранней и зрелой государственности, на всех этапах модернизации легче выявлять денотаты тех же ключевых концептов: интерактивный ритуал, вызов и ответная стратегия, установки и габитусы, картины мира, свя-

тыни, ценности, идентичности, культурные образцы, предмет заботы, обеспечивающая структура, институты и типы организаций, порядки и фигурации.

Литература

Артемова, О. Ю. 1987. *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине по австралийским этнографическим данным*. М.: Наука.

Гофман, И. 2009. *Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу*. М.: Смысл.

Джонсон, А., Эрл, Т. 2017. *Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Дюркгейм, Э. 1998. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии (Введение, Гл. 1). В: Красникова, А. Н. (общ. ред.), *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология*. М.: Канон+, с. 174–230.

Мелетинский, Е. М. 2004. *Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники*. М.: Вост. лит-ра.

Назаретян, А. П. 2008. Насилие и ненасилие: сравнительно-исторический взгляд. *Историческая психология и социология истории* 1: 8–32.

Розов, Н. С.

2002. *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Пролегомены*. М.: Логос.

2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЕН.

Скиннер, Б. Ф. 1986. Оперантное поведение. В: Гальперин, П. Я., Ждан, А. Н. (ред.), *История зарубежной психологии. Тексты*. М.: МГУ, с. 60–95.

Стеблин-Каменский, М. И. 1976. *Миф*. Л.: Наука.

Токарев, С. А. 1962. Что такое мифология? *Вопросы истории религии и атеизма*. Вып. 10. М., с. 507–550.

Фрезер, Дж. 1983. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. М.: Политиздат.

Элиас, Н. 2001. *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*: в 2 т. М.; СПб.: Университетская книга.

Berndt, R. 1962. *Excess and Restraint: Social Control among a New Guinea Mountain People*. Chicago: University of Chicago Press.

Carneiro, R. 1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

Collins, R.

2004. *Interactive Rituals Chains*. Princeton: Princeton University Press.

2015. Micro-translation as a Theory-building Strategy. *Advances in Social Theory and Methodology*. In Knorr-Cetina, K., Cicourel, A. V. (eds.), *Toward and Integration of Micro- and Macro-sociologies*. New York: Routledge, pp. 81–108.

Diamond, J. 2012. *The World until Yesterday: What Can We Learn from Traditional Societies?* New York: Viking.

Ferguson, B. 2013. Pinker's List: Exaggerating Prehistoric War Mortality. In Fry, D. (ed.), *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 112–131.

Fry, D. S. 2013. War, Peace, and Human Nature: the Challenge of Achieving Scientific Objectivity. In Fry, D. (ed.), *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 1–22.

Keeley, L. H. 1996. *War before Civilization: The Myth of the Peaceful Savage*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Malešević, S. 2017. *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pinker, S. 2011. *The Better Angels of our Nature. The Decline of Violence in History and its Causes*. London: Allen Lane.

Sanderson, S. 1995. *Social Transformations: A General Theory of Historical Development*. Oxford: Blackwell.

Sponsel, L. 2015. Peace and Nonviolence, Anthropological Aspects. In Wright, J. (ed.), *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam: Elsevier Press, pp. 624–630.

Turchin, P. 2016. *Ultrasociety: How 10,000 Years of War Made Humans the Greatest Cooperators on Earth*. Chaplin: Beresta Books.